

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУГ

*Перевод Элизабет Невилл Беркли
и Льюиса Теобальда-младшего¹*

ПРЕДИСЛОВИЕ. Приведенное ниже весьма странное повествование, или, скорее, письменный отчет о впечатлениях, было обнаружено при исключительных обстоятельствах, заслуживающих подробного описания. В среду 27 августа 1913 года, около половины девятого вечера, жители маленькой приморской деревушки Потоуонкет, штат Мэн, США, были повергнуты в смятение оглушительным грохотом, сопровождавшимся ослепительной вспышкой, и люди на берегу увидели громадный огненный шар, который рухнул с небес в море недалеко от суши, взметнув ввысь гигантский столб воды. В следующее воскресенье трое местных рыбаков — Джон Ричмонд, Питер Б. Карт и Саймон Кэнфилд — подцепили донным неводом и вытащили на берег каменно-металлическую глыбу весом 360 фунтов, похожую (по словам мистера Кэнфилда) на кусок железистого шлака. Почти все деревенские жители сошлись во мнении, что сие тяжелое твердое тело и есть болид, упавший с неба четыремя днями ранее, а доктор Ричмонд М. Джонс, местное научное светило, с уверенностью предположил в нем аэролит или метеорит. Откалывая от него образцы породы с целью отослать оные для исследования многосведущему бостонскому специалисту, доктор Джонс обнаружил вплавленную в полуметаллическую субстанцию диковинную

---

¹ Псевдонимы соответственно Уинифред Вирджинии Джексон и Г. Ф. Лавкрафта.

книжицу с нижеприведенным рукописным текстом — она до сей поры остается в его владении.

На вид находка напоминает обычную записную книжку размером три на пять дюймов, состоящую из тридцати страниц. Но вот материал, из которого она изготовлена, представляет чрезвычайный интерес. Обложка произведена из темного плотного вещества, неизвестного геологам и устойчивого к любым механическим и химическим воздействиям. Страницы обладают аналогичными свойствами, но они несколько светлее и чрезвычайно тонки, благодаря чему легко сгибаются. Книжка сброшюрована и переплетена с использованием некоего технологического процесса, не вполне понятного людям, ее исследовавшим, — процесса, в ходе которого материал страниц сплавлялся с материалом обложки. Теперь страницы неотделимы от корешка, и их невозможно вырвать никаким усилием. Текст написан на *безупречном древнегреческом языке*, и несколько ученых-палеографов утверждают, что данная разновидность скорописи имела распространение примерно во втором веке до Р. Х. Никаких указаний на дату написания в тексте не содержится. Насчет техники письма нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что она, видимо, напоминала современную технику письма карандашом на грифельной дощечке. В результате ряда химических экспертиз, проведенных покойным профессором Чэмберсом из Гарвардского университета, текст на нескольких страницах, преимущественно в конце повествования, вытравился еще до его прочтения и посему безвозвратно утрачен. Уцелевшая часть рукописи была переведена на современный греческий палеографом Резерфордом и в таком виде передана поименованным выше переводчикам.

Профессор Мэйфилд из Массачусетского технологического института, исследовавший образцы странной породы, с уверенностью признал в камне метеорит, с каковым мнением не согласен доктор фон Винтерфельд из Гейдельбергского университета (в 1918 году интерниро-

ванный как опасный гражданин неприятельского государства). Профессор Брэдли из Колумбийского университета занимает не столь категоричную позицию, указывая на наличие в каменно-металлической породе огромного количества неизвестных науке элементов и предупреждая, что точно классифицировать камень в настоящее время не представляется возможным.

Обстоятельства обнаружения, природа и содержание загадочной книжицы представляют собой величайшую проблему, не поддающуюся никаким объяснениям. Сохранившийся текст представлен здесь в переводе настолько близком к оригиналу, насколько позволяет современный английский язык. Хочется надеяться, что какой-нибудь читатель в конце концов найдет ключ к верному толкованию текста и разгадает величайшую научную тайну последних лет.

Э. Н. Б., Л. Т.-мл.

(ТЕКСТ)

Я стоял один на узкой полосе берега. Передо мной, за краем изумрудно-зеленого травяного ковра, слегка волнуемого ветром, расстилалось море — ярко-голубое море, лениво катящее крупную зыбь и источающее туманные испарения дурманящего свойства. Столь густыми были эти испарения, что море казалось полностью слившимся с небом, ибо последнее тоже было ярко-голубым. Позади меня вздымалась стена древнего, как само море, леса, который простирался без конца и края вглубь суши. Под сенью бесчисленных гротескно огромных, буйно разросшихся деревьев царил глубокий сумрак. Исполненные стволы зловещего зеленого цвета причудливо гармонировали с изумрудной зеленью травяного покрова под моими ногами. Чуть поодаль с одной и другой стороны от меня таинственный лес спускался к самой воде, заслоняя от взора береговую линию и наглухо огораживая крохотный участок берега. Несколько деревьев, я заметил, стояли уже в воде, словно исполненные мрачной

решимости преодолеть любое препятствие на пути наступающего леса.

Я не видел вокруг ни единого живого существа и никаких признаков присутствия здесь других живых существ, помимо меня. Море, небо и лес окружали меня со всех сторон, простираясь в бесконечные дали, недоступные моему воображению. Мертвую тишину нарушали лишь шорох колеблемых ветром деревьев да тихий плеск волн.

Внезапно меня начала бить дрожь: хотя я не ведал, каким образом очутился здесь, и не помнил толком ни имени своего, ни звания, я вдруг ясно осознал, что непременно сойду с ума, если сумею понять, какая опасность подстерегает меня. Я вспомнил, чему учился, о чем мечтал, к чему стремился в иной жизни, оставшейся в прошлом. Я подумал о долгих ночах, когда я зачарованно смотрел на звезды в поднебесье и проклинал богов за то, что моя свободная душа не в силах преодолеть космические бездны, недосыгаемые для моего физического тела. Я вспомнил отправления древних святотатственных обрядов и погружения в ужасные тайны демокритовских папирусов, но с возвращением памяти я затрясся от страха еще сильнее, ибо осознал, что я здесь один, совсем один. Но несмотря на полное одиночество, я все же явственно ощущал пронизывающие воздух разумные вибрации, самая мысль о природе и источнике которых приводила меня в содрогание. В шелесте зеленых ветвей мне слышались лютая ненависть и дьявольское торжество. Порой мне казалось, будто они ведут зловещую беседу с невероятными призрачными существами, наполовину сокрытыми за чешуйчатыми зелеными стволами деревьев — сокрытыми от внешнего взора, но не от внутреннего. Тяжелее всего меня угнетало жуткое чувство своей чуждости окружению. Хотя я видел вокруг знакомые объекты с известными мне названиями — деревья, траву, море и небо, — я нутром чуял, что они состоят со мной в иных отношениях, нежели деревья, трава,

море и небо, которые я знал в другой, полузабытой жизни. Я не мог определить, в чем именно заключалась разница, но при одной мысли о ней я содрогнулся от ужаса.

А в следующий миг там, где прежде я не видел ничего, кроме туманного моря, моему взору вдруг явился Зеленый луг, отделенный от меня широким пространством подернутой зыбью сверкающей голубой воды, но одновременно на удивление близкий. Я то и дело пугливо оглядывался через правое плечо на лес, но предпочитал все же смотреть на Зеленый луг, чей вид вызывал в моей душе странное волнение.

Именно в момент, когда я пристально вглядывался в сей одинокий островок зелени, я вдруг почувствовал движение земли под ногами. Сначала по ней пробежала своего рода нервная дрожь, наводившая на жуткое предположение об осознанном действии, а затем крохотный пятачок земли, где я стоял, отделился от травянистого берега и медленно поплыл прочь, словно несомый мощным течением. Я оцепенел, донельзя изумленный и испуганный небывалым явлением, и стоял совершенно неподвижно, покуда между мной и покрытым деревьями берегом не пролегла широкая полоса воды. Потом я сел, все еще в оглушенном состоянии, и снова устремил взгляд на подернутую зыбью сверкающую воду и Зеленый луг.

Позади меня деревья и существа, предположительно прятавшиеся за ними, источали бесконечную угрозу. Мне не было необходимости оборачиваться и смотреть на них, чтобы понять это, поскольку чем больше я привыкал к новому окружению, тем меньше зависел от пяти чувств восприятия, на которые только и полагался прежде. Я знал, что зеленый чешуйчатый лес ненавидит меня, однако теперь он не представлял для меня опасности, ибо мой крохотный островок уже отплыл далеко от берега.

Но хотя одна опасность миновала, другая уже надвигалась на меня. От краев моего плавучего островка беспрестанно отваливались крупные комья земли, а значит мне в любом случае не избежать скорой гибели. Однако

я как будто был уверен, что отныне для меня не существует смерти, ибо вновь вернулся к созерцанию Зеленого луга, дышавшего безмятежным покоем, который странно контрастировал с ужасом, владевшим мной.

Именно тогда из неоглядной дали до слуха моего донесся шум падающей воды. Не гул обычного водопада, но чудовищный грохот, какой раздался бы в далеких скифских краях, если бы все Средиземное море разом низверглось в некую бездонную пропасть. Мой неуклонно сокращающийся в размерах островок плыл в направлении шума, и я примирился с неизбежным.

Далеко позади меня творились уму непостижимые ужасы, при виде которых я затрепетал от страха, когда обернулся. Сотканные из тумана темные существа самым фантастическим образом парили в воздухе, угрожающе зависали над деревьями, словно принимая вызов раскачивающихся зеленых ветвей. Потом с моря поднялся туман, поглотивший и растворивший в себе парообразных небесных существ, и берег скрылся от моего взора. Хотя солнце — незнакомое мне солнце — ярко освещало воду вокруг меня; над покинутой мной сушей, казалось, разразилась неистовая буря, когда чудовищные деревья и сокрытые за ними демонические создания вступили в яростное противоборство с духами неба и моря. А когда туман рассеялся, я увидел лишь голубое небо и голубое море, ибо земля и деревья бесследно исчезли.

И тут внимание мое привлекло *пение* на Зеленом лугу. До сего момента я не замечал ни единого признака человеческого присутствия, но сейчас моего слуха достиг монотонный напев, происхождение и природа коего не вызывали сомнений. Хотя слова звучали неразборчиво, напев пробудил в моем уме особую цепочку ассоциаций и заставил вспомнить некогда переведенный мной отрывок из одной египетской книги, в свою очередь взятый из древнего мероитского папируса. Перед моим мысленным взором всплыли вызывающие смутную тревогу строки, которые я не смею повторить здесь, — строки, повествующие о явлениях и жизненных формах, что су-

ществовали в незапамятные времена, когда Земля была еще совсем молодой. О наделенных жизнью, способных мыслить и двигаться созданиях, которых, однако, боги и люди не признают живыми. То была поистине странная книга.

Внимая напеву, я постепенно осознал одно обстоятельство, доселе вызывавшее у меня лишь подсознательное недоумение. За все время взор мой ни разу не различил ни единого отдельного объекта на Зеленом лугу — в целом он производил впечатление однородного ярко-зеленого массива. Сейчас, однако, я увидел, что течение пронесет мой островок в непосредственной близости от берега, а значит я получу возможность получше разглядеть сей загадочный участок суши и узнать, кто же там поет. Я был охвачен нетерпеливым желанием поскорее увидеть таинственных певцов, хотя к любопытству примешивалось и опасение.

Куски земли продолжали отваливаться от моего крохотного плавучего островка, но разрушительный процесс не беспокоил меня, ибо я знал, что не умру со смертью нынешнего своего тела, реального или воображаемого. Я почти не сомневался, что все в окружающем мире, даже жизнь и смерть, иллюзорно; что я превзошел тварность и смертность человеческой природы и стал свободным созданием, не связанным никакими узами. Я понятия не имел, где нахожусь, знал лишь, что не на планете Земля, некогда столь хорошо мне знакомой. Помимо своего рода навязчивого ужаса я испытывал чувства, какие владеют человеком, только что пустившимся в бесконечное путешествие по неизведанным местам. Я подумал о покинутых мною краях и людях, а также о диковинных способах, которыми я мог бы поведать им о своих приключениях, даже если никогда не вернусь обратно.

Теперь я находился в непосредственной близости от Зеленого луга и слышал поющие голоса совершенно отчетливо; однако, несмотря на свое знание многих язы-

ков, я не понимал слов песни. Да, звучали слова знакомо, как мне и показалось с самого начала, но они не вызвали у меня никаких ассоциаций, помимо смутных тревожных воспоминаний. В высшей степени необычное звучание голосов — звучание, не поддающееся словесному описанию, — одновременно пугало и завораживало меня. Теперь я различал на обширном зеленом пространстве отдельные объекты — покрытые ярко-зеленым мхом валуны, довольно высокие кусты и изрядных размеров диковинные жизнеформы, что странным образом двигались или вибрировали среди кустарника. Пение, исполнителей которого мне не терпелось увидеть, казалось, звучало громче там, где странные жизнеформы образовывали самые многочисленные группы и двигались наиболее энергично.

А потом, когда мой островок подплыл ближе и шум отдаленного водопада стал громче, я вдруг ясно увидел *источник* пения и в одно ужасное мгновение вспомнил все. О подобных вещах я не могу, не смею рассказывать, ибо там мне открылся страшный ответ на все мучавшие меня вопросы, и ответ этот свел бы вас с ума, как едва не свел меня... Теперь я понял, какого рода метаморфоза произошла со мной, а равно со многими другими, что прежде были людьми! Я прозрел бесконечный цикл будущего, из которого никогда не вырваться мне подобным... Я буду жить вечно, буду мыслить и чувствовать вечно, хотя душа моя отчаянно взывает к богам о смерти и забытьи... Я знаю все: за ревушим бурным потоком простирается страна Стетелос, где молодые люди бесконечно стары... Зеленый луг... Я перешлю восточку через ужасную бескрайнюю бездну...

[Далее неразборчиво.]

ПОЛЗУЧИЙ ХАОС

Перевод Элизабет Беркли
и Льюиса Теобальда-младшего

Об опиумных наслаждениях и муках написано много. Экстазы и кошмары де Квинси, *paradis artificiels* Бодлера, описанные в сочинениях, бережно сохраненных и мастерски переведенных, обрели бессмертие, и миру хорошо известно, сколь прекрасны, ужасны и таинственны запредельные области, куда переносится вдохновленный опиумом визионер. Но при всем обилии подобного рода свидетельств еще никто не осмелился объяснить *природу* иллюзорных видений, являющихся умственному взору, или указать *направление* неведомых, колдовски живописных путей, коими безудержно влечет одурманенного наркотиком человека. Де Квинси переносился в Азию, в изобильную страну туманных теней, чья чудовищная древность столь сильно поражает воображение, что «громадный исторический возраст народа и имени подавляет в человеке всякое ощущение молодости», но он не осмеливался уходить дальше. Люди же, отважившиеся на такое, редко возвращались обратно, а немногие вернувшиеся либо хранили молчание, либо впадали в полное безумие. Я принимал опиум всего лишь раз — во время страшной эпидемии, когда врачи всячески старались хотя бы притупить жестокие страдания пациентов, исцелить которых уже не могли. Доза оказалась слишком большой (мой врач находился в крайней стадии нервного и физического истощения), и я в своих гре-

зах ушел очень далеко от реальности. В конечном счете я вернулся и зажил прежней жизнью, но по ночам меня одолевают странные воспоминания, и я с тех пор решительно пресекаю любые попытки докторов назначить мне опиум.

Я мучился совершенно невыносимой пульсирующей головной болью, когда мне дали наркотик. Будущее насколько не волновало меня, я единственно хотел обрести избавление от страданий — в лекарствах ли, в беспмятстве ли, в смерти ли. Я находился в полубредовом состоянии, и потому сейчас мне трудно точно установить момент погружения в наркотический транс, но думаю, средство начало действовать незадолго до того, как пульсация в голове перестала причинять боль. Как я сказал, доза оказалась чрезмерной, и, видимо, опиум вызвал у меня реакцию, далекую от нормальной. Преобладало странное ощущение свободного падения, никак не связанного с действием силы тяжести и не дающего представления о направлении движения, но одновременно ощущалось близкое присутствие великого множества неких незримых материальных образований, обладающих абсолютно другой природой, но имеющих какое-то отношение ко мне. Порой казалось, что это не я падаю, а вся вселенная или зоны времени стремительно проносятся мимо меня. Внезапно боль прекратилась, и я начал связывать пульсацию в голове скорее с внешней причиной, нежели с внутренней. Падение тоже прекратилось, сменившись ощущением временной передышки, которая может закончиться в любой момент, а когда я напряг слух, мне представилось, будто мерная пульсация в моем мозгу — это шум бескрайнего таинственного моря, чьи громадные зловещие буруны с ревом набегают на истерзанный пустынный берег после чудовищной силы шторма. Я открыл глаза.

Первые несколько мгновений все расплывалось перед моим взором, словно безнадежно расфокусированная проекция изображения, но постепенно я осознал,

что нахожусь совсем один в странной, роскошно убранной комнате с многочисленными окнами, сквозь которые льется свет. Я не мог составить ясного представления о характере помещения, ибо мысли мои еще не пришли в порядок, но я разглядел разноцветные ковры и занавеси, искусной работы столы, стулья, оттоманки, диваны, изящные вазы и затейливые настенные орнаменты — все они производили впечатление экзотических, но одновременно смутно знакомых. Однако все увиденное недолго занимало мой ум. Медленно, но неотвратимо сознанием моим завладевал тошнотворный страх неизвестности, вытеснявший все прочие впечатления; страх тем более сильный, что он не поддавался анализу и, казалось, имел отношение к некой незаметно подступающей угрозе — не смерти, но безымянной, неведомой катастрофе, невыразимо более ужасной и отвратительной.

Вскоре я осознал, что непосредственным воплощением и возбудителем моего страха является беспрестанное мощное биение, отдающееся эхом в моем измученном мозгу. Оно, казалось, доносилось откуда-то снаружи, из-под здания, где я находился, и вызывало в воображении самые жуткие образы. Я чувствовал, что за убранными шелком стенами скрывается какая-то кошмарная картина или некий чудовищный объект, и боялся даже мельком глянуть в забранные решеткой стрельчатые окна по сторонам от меня. Заметив на окнах ставни, я закрыл их все, избегая смотреть наружу. Потом с помощью кремня и огнива, найденных на одном из столиков, я зажег множество свечей, установленных в затейливых канделябрах на стенах. Ощущение безопасности, созданное закрытыми ставнями и искусственным освещением, несколько успокоило мои нервы, но я никак не мог отрешиться от монотонного глухого грохота. Теперь, когда я немного успокоился, звук стал казаться мне столь же чарующим, сколь пугающим, и я почувствовал желание отыскать источник того, невзирая на сильный страх, по-прежнему владевший мной. Раздвинув портьеры в стенном проеме, расположенном ближе всего к источ-

нику шума, я увидел короткий, богато убранный гобеленами коридор, в конце которого находились резная дверь и большое эркерное окно. Меня безудержно повлекло к этому окну, хотя неопределенные опасения почти столь же настойчиво побуждали меня вернуться назад. По мере приближения к нему я начал различать в отдалении беспорядочно мятущиеся волны. Когда же я подошел вплотную к окну, представшая моему взору грандиозная картина потрясла меня до глубины души.

Ничего подобного я не видел никогда прежде, да и никто на свете не видел, разве только в горячечном бреде или в опиумных кошмарах. Здание стояло на узком мысе — во всяком случае, на участке суши, *теперь* представлявшем собой узкий мыс, — на высоте добрых трехсот футов над неистово бурлящей, кипящей водой. С одной и другой стороны от дома зияли обрывы, недавно образовавшиеся в результате оползня, а впереди чудовищные волны продолжали грозно накатывать одна за другой, пожирая сушу со зловещей решимостью. Примерно в миле от берега вздымались устрашающие валы высотой не менее пятидесяти футов, а над горизонтом, подобно мерзким стервятникам, нависали черные тучи гротескных очертаний. Темно-фиолетовые, почти черные волны хватались за податливую красную землю, точно алчные лапы фантастического существа. Невольно представлялось, будто некий беспощадный дух океана — возможно, подстрекаемый разгневанным небом — объявил всей земной тверди непримиримую войну.

Выйдя наконец из оцепенения, в кое меня ввергло сверхъестественное зрелище, я осознал, что мне угрожает реальная опасность. Пока я стоял, ошеломленно уставившись в окно, яростные волны поглотили уже не один фут берега и близился момент, когда здание, подмытое водой, рухнет в ужасную бушующую пучину. Я бросился на противоположную сторону дома, отыскивал там выход и выскочил наружу, заперев за собой дверь диковинным ключом, что висел на стене рядом с ней. Теперь я получил возможность составить более полное представ-

ление о загадочной местности и сразу же заметил некую незримую границу, пролежавшую по грозному океану и небосводу. По одну и другую сторону от узкого мыса царили совершенно разные условия. Слева от меня, если стоять спиной к зданию, море мягко катило громадные зеленые волны, мирно набегавшие на берег под ярким солнцем. Что-то в виде и положении солнца на небе заставило меня содрогнуться, хотя тогда я не понимал, что именно, да и сейчас не понимаю. Справа от меня тоже простиралось море, но голубое, спокойное, лишь слегка подернутое зыбью, а небо над ним было темнее, и размытый берег имел скорее белесый оттенок, нежели красноватый.

Затем я принялся разглядывать сушу и обнаружил новый повод для удивления: растения здесь не походили ни на каких представителей флоры, виденных мной прежде или известных мне по книгам. Растительность имела тропический или по крайней мере субтропический характер, каковое заключение подкреплялось страшной жарой. Иные растения смутно напоминали флору моей родной страны, и мне подумалось, что подобные формы могли бы принять знакомые деревья и кустарники при радикальной перемене климата; но я определенно никогда не видел ничего похожего на гигантские пальмы, росшие повсюду вокруг. Дом, покинутый мной, был очень маленьким, не больше обычного коттеджа, но выстроен из мрамора, в причудливом эклектическом стиле, представляющем собой странное смешение восточных и западных архитектурных элементов. По углам здания стояли коринфские колонны, тогда как красная черепичная крыша была, похоже, позаимствована у китайской пагоды. От двери тянулась поразительной белизны песчаная дорожка шириной фута четыре, обсаженная величественными пальмами и неизвестными мне цветущими кустами. Она уклонялась к той стороне мыса, где море было голубым, а берег белесым. Движимый безотчетным страхом, я бросился по ней со всех ног, словно за мной гнался некий злобный дух ревущего океана.

Дорожка полого поднималась, и вскоре я достиг вершины невысокого округлого холма. Оттуда я увидел как на ладони весь мыс с коттеджем, необозримое пространство черной воды за ним, зеленое море с одной стороны от него, голубое море с другой — и тяготеющее над всем этим проклятие, которое не имеет имени и не может быть названным. Я никогда больше не видел ничего подобного и часто задаюсь вопросом, что же это было... Бросив последний взгляд назад, я широким шагом двинулся дальше, исследуя пытливым взором открывшуюся передо мной панораму.

Дорожка, как я говорил, тянулась вдоль правого берега мыса и вела вглубь суши. Впереди слева я теперь видел величественную долину в тысячи и тысячи акров, сплошь покрытую колеблемой ветром тропической травой выше моего роста. На самой границе видимости я различил громадную пальму, которая завораживала меня и словно манила к себе. К тому времени изумление и облегчение, испытанное после бегства с опасного мыса, в значительной мере рассеяли мои страхи, но когда я остановился и устало сел посреди тропы, лениво погружив руки в теплый золотисто-белый песок, меня вдруг охватило острое предчувствие новой опасности. К ужасу, который вызывал у меня дьявольский грохот океана, добавился ужас перед неизвестной угрозой, сокрытой в шуршащей высокой траве, и я принялся бессвязно кричать: «Тигр? Там тигр, да? Зверь? Там зверь, которого я боюсь?» В памяти моей всплыла какая-то древняя классическая история про тигров, некогда прочитанная мной, но я никак не мог вспомнить автора. Объятый страхом, я вспомнил наконец, что рассказ принадлежит перу Редьярда Киплинга, но мне не показалось нелепым, что я счел его древним писателем. Мне вдруг безумно захотелось перечитать том, содержащий этот рассказ, и я едва не пустился обратно к обреченному коттеджу, чтобы найти там книгу, но здравый смысл и притягательная сила пальмы удержали меня.

Не знаю, сумел бы я побороть искушение вернуться, если бы меня не влекло вперед колдовское очарование пальмы. Теперь желание поскорее добраться до нее взяло верх, и я свернул с тропы и пополз на четвереньках вниз по склону в долину, невзирая на страх перед густыми зарослями травы и змеями, что могли таиться там. Я решил до последнего сражаться за свою жизнь и рассудок, противостоя всем угрозам в море и на суше, хотя временами, когда к отдаленному, но все еще отчетливо слышному грохоту волн добавлялся жуткий шорох травы, поражение казалось мне неминуемым. Я часто останавливался и зажимал ладонями уши в поисках облегчения, но никак не мог полностью заглушить отвратительные звуки. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я наконец дотащился до привлекавшей меня пальмы и бессильно распростерся в ее тени.

Затем последовал ряд событий, ввергших меня сначала в безумный восторг, а затем в дикий ужас, — событий, которые я боюсь вспоминать и не смею даже пытаться истолковать. Едва я заполз под сень пальмовых листьев, с ветвей прыгнуло малое дитя невиданной красоты. Пусть оборванное и запыленное, оно походило на прелестного фавненка или юного полубога и словно излучало сияние в густой тени дерева. Дитя улыбнулось и протянуло мне руку, но, прежде чем я успел встать и заговорить, сверху донеслось чарующее хоровое пение: чистые голоса, высокие и низкие, сливались в возвышенной, неземной гармонии. К тому времени солнце уже скрылось за горизонтом, и в сумерках я увидел лучистый ореол над головой ребенка. Потом дитя обратилось ко мне нежным серебристым голоском: «Это конец пути. Сквозь тьму спустились они со звезд. Теперь все кончено, и мы обретем блаженный покой в стране Телоз за Аринурийскими потоками». Пока ребенок говорил, я увидел сквозь пальмовые листья мягкое сияние, нисходящее с небес, и поднялся на ноги, чтобы поприветствовать двоих, которые — я не сомневался — являлись главными среди чудесных певцов. Они были не иначе

как богом и богиней, ибо подобная красота не даруется смертным, и они взяли меня за руки и промолвили: «Пойдем, дитя, ты услышал голоса, и теперь все хорошо. В Телоз, за Млечным Путем и Аринурийскими потоками, лежат города из янтаря и халцедона. На их многогранных куполах блистают отражения диковинных, прекрасных созвездий. В Телоз под мостами слоновой кости текут реки жидкого золота, и по ним плывут прогулочные суда, направляясь в цветущий Кифарион Семи Солнц. А в Телоз и Кифарионе властвуют юность, красота и радость, и слышатся там лишь смех, пение да звуки лютни. Одни только боги обитают в Телоз, где текут золотые реки, но среди них пребудешь и ты».

Завороженно внимая сей речи, я вдруг осознал перемену, произошедшую в моем окружении. Пальма, совсем недавно накрывавшая тенью мое утомленное тело, теперь находилась подо мной слева. Я плыл по воздуху, сопровождаемый не только странным ребенком и двумя лучезарными созданиями, но также неуклонно умножающимся сонмом увенчанных виноградными лозами юношей и молодых дев, чьи тела источали слабое сияние, волосы развевались на ветру, а лица светились от радости. Мы медленно поднимались ввысь, словно несомые благоуханным легким ветром, который дул не с земли, но из скопления золотистых туманностей над нами, и дитя прошептало мне на ухо, что я должен смотреть только вверх, на потоки света, и ни в коем случае не оглядываться на планету, покинутую мной. Прекрасные юноши и девы теперь пели сладкозвучные хоры — бы под лютневый аккомпанемент, и в душе моей царили глубокий покой и счастье, каких я не мог и вообразить доселе. Но внезапно в сознание мое вторгся чужеродный звук, изменивший мою участь и потрясший меня до основания. Сквозь сладостное хоровое пение и чарующую лютневую музыку, словно вступая в издевательскую, дьявольскую гармонию с ними, пробился отвратительный размеренный грохот ужасного океана, донесшийся из бездны внизу. И когда рев зловещих черных

валов достиг моего слуха, я забыл о предостережении ребенка и посмотрел вниз, на обреченную планету, откуда, мне казалось, я благополучно бежал.

Сквозь потоки космического эфира я увидел проблкую Землю, совершавшую свое бесконечное вращение, и там разъяренные бурные моря пожирали дикие пустынные берега и швыряли пену на шаткие полуразрушенные башни покинутых городов. Озаренные призрачным лунным светом, взору моему явились картины, которые я не в силах описать и не в состоянии забыть: глинистые пустыни трупного цвета — страшные свидетельства гибели и запустения на некогда густонаселенных равнинах моей отчизны — и вспененные океанские водовороты там, где некогда высились величественные храмы моих предков. На Северном полюсе, окутанное пеленой ядовитых испарений, покрытое омерзительной растительностью, простиралось болото, злобно шипящее под натиском могучих волн, которые, гневно клокоча и завихряясь водоворотами, поднимались из бурлящей пучины. Потом оглушительный грохот раскатился в ночи, и через самую обширную пустыню протянулась дымящаяся расселина. Черный океан продолжал реветь и пениться, поглощая пустыню по обеим сторонам от расселины, что становилась все шире и шире.

Теперь на Земле не осталось ни единого клочка суши, помимо этой пустыни, и яростно ревуший океан продолжал неумолимо наступать на нее. Внезапно мне показалось, будто даже он испугался чего-то, испугался темных богов земных недр, превосходящих могуществом злого бога вод. Но так или иначе, он уже не мог повернуть вспять, и пустыня слишком сильно пострадала от кошмарных волн, чтобы остановить их наступление. Посему океан поглотил последний клочок суши и стал изливаться в дымящуюся расселину, таким образом теряя все свои завоевания. Вода отступала с затопленных земель, вновь являя взору картины разрухи и смерти, об-

нажая древнее океанское ложе и вместе с ним мрачные тайны незапамятной эпохи, когда Время только началось и боги еще не родились. Над поверхностью воды медленно вырастали облепленные водорослями знакомые шпили. Бледные лилии лунного света расцвели на руинах Лондона, и Париж восстал из водной могилы, дабы освятиться звездной пылью. Затем показались могучие башни и громадные здания, тоже облепленные водорослями, но совершенно незнакомые — наводящие ужас сооружения, в бесконечно далеком прошлом возведенные там, где на памяти человечества никогда не было суши.

Размеренный грохот океанских валов сменился теперь потусторонним ревом и шипением вод, стремительно низвергавшихся в расселину. Валивший из нее дым постепенно превратился в пар, который неуклонно стучался, заволакивая все почти непроглядной пеленой. Пар этот больно обжег мне лицо и руки, и когда я поднял глаза, чтобы посмотреть, как он подействовал на моих спутников, то обнаружил, что все они исчезли. Внезапно все кончилось, и больше я не помню ничего вплоть до момента, когда очнулся на своем болезном ложе, чувствуя облегчение от недуга. Как только пелена пара из бездонной расселины окончательно скрыла от взора всю поверхность планеты, земная твердь пронзительно возопила в мучительных агонических конвульсиях, сотрясших трепещущий эфир. Все кончилось с одной ослепительной вспышкой, с одним оглушительным взрывом, с одним чудовищной силы выбросом всеуничтожающего огня и дыма, которые застили бледную луну, стремительно улетающую в космическую пустоту.

А когда дым рассеялся и я попытался найти взглядом Землю, я увидел на фоне холодных насмешливых звезд лишь угасающее Солнце да скорбные бледные планеты, тщетно ищущие свою сестру.

ПОСЛЕДНИЙ ОПЫТ

(с Адольфом де Кастро)

I

Немногие знают подлинную подоплеку истории Кларендона или хотя бы догадываются о существовании некой подоплеки, до которой не удалось докопаться газетчикам. Означенная история стала настоящей сенсацией в Сан-Франциско незадолго до Великого пожара — как вследствие массовой паники и смертельной угрозы, с ней сопряженных, так и по причине непосредственной причастности к ней губернатора штата. Губернатор Далтон, надобно помнить, был лучшим другом Кларендона и после женился на его сестре. Ни сам Далтон, ни миссис Далтон никогда публично не обсуждали сие в высшей степени неприятное дело, но каким-то образом подробности случившегося стали известны узкому кругу лиц. Когда бы не это обстоятельство и не то соображение, что по прошествии многих лет участники событий превратились в фигуры почти абстрактные и безликие, любой десять раз подумал бы, прежде чем вникать в тайны, столь тщательно оберегавшиеся в свое время.

Назначение доктора Альфреда Кларендона на должность главного врача тюрьмы Сан-Квентин в 189... году было встречено в Калифорнии с огромным энтузиазмом. Сан-Франциско наконец удостоился чести оказать гостеприимство одному из величайших биологов и врачей современности, и следовало ожидать, что ведущие специалисты со всего мира съедутся в город, дабы изучать

методы доктора Кларендона, извлекать пользу из его советов и научных исследований, учиться на его опыте справляться с собственными проблемами местного характера. Таким образом, Калифорния могла чуть ли не в одночасье стать центром медицинской науки с международным влиянием и мировой репутацией.

В своем стремлении подчеркнуть исключительную важность события губернатор Далтон позаботился о том, чтобы в прессе появились подробные, выдержанные в восторженных тонах сообщения о вновь назначенном должностном лице. Фотографии доктора Кларендона и его нового дома близ старого Козьего холма, очерки о его карьере и отмеченных многочисленными наградами заслугах, популярные статьи о его выдающихся научных открытиях печатались во всех главных калифорнийских газетах, и вскоре общественность исполнилась своего рода отраженной гордостью за человека, чьи исследования пиемии в Индии, чумы в Китае и аналогичных недугов во всех уголках мира в ближайшем будущем обогатят медицину поистине революционным препаратом — универсальным антитоксином, который будет уничтожать возбудителя лихорадки в зародыше и таким образом обеспечит полную и окончательную победу над страшной болезнью во всех ее разновидностях.

Данному назначению предшествовала долгая и довольно романтичная история юношеской дружбы, многолетней разлуки и драматически возобновленного знакомства. Десятью годами ранее, в Нью-Йорке, Джеймса Далтона и семейство Кларендон связывала дружба — даже больше, чем просто дружба, ибо Далтон с юных лет любил единственную сестру доктора, Джорджину, а сам доктор являлся его ближайшим товарищем и протеже в школьные и университетские годы. Отец Альфреда и Джорджины, уолл-стритский пират старой жесткой закалки, хорошо знал отца Далтона — настолько хорошо, что в конце концов обобрал его в ходе одной памятной схватки на фондовой бирже. Далтон-старший,

не надеясь поправить финансы и желая обеспечить своего обожаемого единственного сына за счет страховки, незамедлительно пустил себе пулю в лоб, но Джеймс не попытался отомстить. Он считал, что таковы правила игры, и не желал зла отцу девушки, на которой собирался жениться, и многообещающему молодому ученому, чьим поклонником и покровителем он являлся на протяжении всех лет дружбы и совместной учебы. Джеймс занялся юриспруденцией, несколько упрочил свое положение и в должный срок попросил у старого Кларендона руки Джорджины.

Старый Кларендон ответил категорическим и весьма громогласным отказом, резко заявив, что нищий выскочка-юрист не годится ему в зятя. Затем произошла весьма бурная сцена, и Джеймс, высказав наконец морщинистому флибустьеру все, что давно следовало высказать, в великом гневе покинул дом и город, а уже через месяц начал в Калифорнии карьеру, которая сопровождалась многочисленными схватками с различными политическими кликами и отдельными политиками и в конечном счете привела его к губернаторскому посту. Прощание Джеймса с Альфредом и Джорджиной было кратким, и он так и не узнал о последствиях сцены, произошедшей в библиотеке Кларендонов. Известие о смерти старого Кларендона не застало молодого человека в городе — он уехал всего днем раньше, каковое обстоятельство изменило весь ход его жизни. Последующие десять лет он не писал Джорджине, зная о ее преданности отцу и терпеливо ожидая времени, когда собственные богатство и общественное положение устроят все препятствия к браку. Ни разу не написал он и Альфреду, чье спокойно-безразличное отношение к восторженному обожанию товарища всегда наводило на мысль о самодостаточности гения, ясно сознающего свое предназначение. Надежно связанный узами постоянства, необычного даже для того времени, Джеймс работал и продвигался вверх по общественной лестнице с мысля-

ми только о будущем, оставаясь холостяком и интуитивно веря, что Джорджина тоже ждет.

Далтон не обманулся насчет своей возлюбленной. Джорджина, вероятно мучительно гадавшая о причинах его молчания, так и не пережила ни одного романтического увлечения, кроме как в мечтах и грезах, и с течением лет полностью отдалась новым обязанностям, появившимся у нее с восхождением брата к величию. Альфред в полной мере оправдал ожидания, возлагавшиеся на него в юности, и поднимался по ступеням науки со скоростью и упорством, ошеломлявшими окружающих. Худой и аскетичный, с остроконечной каштановой бородкой и в пенсне со стальной оправой, доктор Альфред Кларендон к двадцати пяти годам стал авторитетным специалистом в своей области, а к тридцати — ученым с мировым именем. Пренебрегая житейскими делами с безразличием истинного гения, он почти во всем зависел от заботы и опеки своей сестры и в глубине души радовался, что память о Джеймсе удерживает ее от других, более реальных связей.

Джорджина вела дела и домашнее хозяйство великого бактериолога и гордилась его успехами на пути к полной победе над лихорадкой. Она терпеливо сносила причуды брата, остужала его периодические вспышки фанатизма и улаживала его ссоры с товарищами, временами случавшиеся вследствие неприкрытого презрения Альфреда ко всему менее значительному, чем безраздельная преданность научной истине и научному прогрессу. Безусловно, Кларендон порой вызывал раздражение у обычных людей, ибо он неустанно умалял служение отдельному человеку в противовес служению всему человечеству и сурово порицал ученых мужей, сочетавших занятия чистой наукой с семейной жизнью или посторонними интересами. Недруги называли его несносным занудой, но почитатели, ввергнутые в трепет испуганием, с каким он отдавался работе, почти стыдились, что имеют какие-либо цели и устремления вне божественной сферы чистого знания.

Доктор много путешествовал, и Джорджина обычно сопровождала его. Три раза, однако, Кларендон совершал долгие одиночные поездки в далекие чужеземные страны, чтобы исследовать экзотические типы лихорадки и полумифические разновидности чумы, ибо он знал, что именно в неизведанных областях таинственной древней Азии берет начало большинство болезней на планете. Во всех трех случаях он привозил из экспедиций диковинные сувениры, усугублявшие экстравагантности его дома, не последней из которых был излишне многочисленный штат слуг-тибетцев, подобранных им где-то в У-Цанге во время эпидемии, оставшейся неизвестной цивилизованному миру, но позволившей Кларендону открыть и выделить бактерию — возбудителя черной лихорадки. Эти мужчины, превосходившие ростом большинство тибетцев и явно принадлежавшие к некоему малоизученному племени, комплекцией напоминали обтянутые кожей скелеты, отчего любой невольно задавался вопросом, не морит ли доктор их голодом в попытке создать живые подобию анатомических муляжей, памятных ему по университетским годам. Облаченные по воле Кларендона в шелковые черные балахоны, какие носят жрецы бонпо, они выглядели в высшей степени гротескно, а скупость движений и сумрачная молчаливость усугубляли фантастичность их облика и вызвали у Джорджины жутковатое ощущение, будто она случайно забрела в мир, описанный на страницах «Ваттека» или «Сказок тысячи и одной ночи».

Но самым странным из всех был доверенный слуга и ассистент по имени Сурама, которого Кларендон привез из Северной Африки, где провел долгое время, изучая необычные случаи перемежающейся лихорадки среди населяющих Сахару загадочных туарегов, о чьем происхождении от древнего народа исчезнувшей Атлантиды давно толкуют в археологических кругах. Сурама, человек огромного ума и, похоже, неисчерпаемой эрудиции, был таким же болезненно худым, как тибетские

слуги; темная пергаментная кожа столь туго обтягивала его лысину и безволосое лицо, что все до единой линии черепа выступали с чрезвычайной резкостью. Впечатление «мертвой головы» усиливали тускло горящие черные глаза, посаженные так глубоко, что сторонний наблюдатель видел лишь пустые темные глазницы. При всей бесстрастности черт Сурама, в отличие от любого примерного слуги, нимало не старался скрывать свои эмоции. Напротив, в нем постоянно чувствовались ирония и глумливая веселость, которые изредка выражались низким гортанным смешком — подобный звук могла бы издать гигантская черепаха, только что разорвавшаяся на куски мелкого пушистого зверька и теперь неторопливо уползающая в море. Чертами лица он походил на европеоида, но определить его происхождение более точно не представлялось возможным. Кое-кто из друзей Кларендона видел в нем сходство с индусом высокой касты, несмотря на отсутствие у него соответствующего акцента, а многие согласились с Джорджиной, сразу невзлюбившей Сураму, когда она высказала мнение, что мумия фараона, чудесным образом воскрешенная, составила бы идеальную пару этому сардоническому скелету.

Далтон, всецело занятый тяжелыми политическими баталиями и в силу исторически сложившейся автономности старого Запада не осведомленный о делах восточных штатов, не следил за головокружительным взлетом своего бывшего товарища, а Кларендон тем паче ничего не слышал о человеке, столь далеком от мира науки, как губернатор. Обладая независимым и даже избыточным состоянием, Кларендоны многие годы продолжали жить в своем старом манхэттенском особняке на восточном участке 19-й улицы, и населявшие дом призраки их предков наверняка смотрели косо на эксцентричных тибетцев и Сураму. Потом доктор пожелал переместить базу своих медицинских исследований, что привело к крутым переменам: Кларендоны перебрались на противоположное побережье континента и стали вести уеди-

ненную жизнь в Сан-Франциско, купив мрачную старую усадьбу Баннистер близ Козьего холма на самом берегу залива и разместившись со всей своей странной челядью в беспорядочно выстроенном, увенчанном мансардной кровлей особняке — образце средневикторианского стиля, а также дурного вкуса и показной роскоши «золотолихорадочной» эпохи, который стоял посреди обнесенного высокими стенами земельного участка вдали от городского центра.

Хотя новые условия работы устраивали доктора Кларендона больше нью-йоркских, он по-прежнему видел досадную помеху на своем пути к цели в отсутствии всякой возможности применить и проверить свои теории на практике. Будучи человеком не от мира сего, он даже и не помышлял использовать свою репутацию для получения общественной должности, хотя все яснее и яснее сознавал, что только пост главного врача какого-нибудь государственного или благотворительного учреждения — тюрьмы, богадельни или госпиталя — обеспечит ему достаточно широкое поле деятельности, чтобы успешно завершить исследования и своими открытиями принести максимальную пользу человечеству и науке в целом.

Однажды после полудня доктор совершенно случайно столкнулся на Маркет-стрит с Джеймсом Далтоном, выходящим из отеля «Роял». Он был с Джорджиной, и моментальное взаимное узнавание усилило драматический эффект воссоединения. Полная неосведомленность об успехах друг друга потребовала от обоих долгих объяснений и рассказов о своих делах, и Кларендон премного обрадовался, узнав, что в друзьях у него числится столь высокопоставленный чиновник. Далтон и Джорджина, многожды обменявшись взглядами, прониклись друг к другу чувством гораздо более сильным, чем отзвук давней юношеской нежности. Прямо тогда и там бывшая дружба возобновилась, вследствие чего они трое стали часто видаться и вести все более и более доверительные беседы.

Джеймс Далтон узнал о насущном желании своего бывшего протеже получить должность и, верный роли покровителя, принятой еще в школьные годы, постарался изыскать способ предоставить «маленькому Альфу» необходимый пост и свободу действий. Разумеется, он обладал широкими правами назначения, но постоянные нападки и назойливый контроль со стороны законодательных органов вынуждали губернатора соблюдать крайнюю осмотрительность при осуществлении своих полномочий. Однако всего через три месяца после неожиданного воссоединения освободилась должность руководителя одного из главных медицинских учреждений в штате. Тщательно взвесив все обстоятельства и рассудив, что научные достижения и репутация друга заслуживают самых высоких наград, губернатор наконец почувствовал себя вправе действовать. И вот, после соблюдения немногочисленных формальностей, 8 ноября 189... года доктор Альфред Шайлер Кларендон стал главным врачом калифорнийской тюрьмы Сан-Квентин.

II

Не прошло и месяца, как надежды почитателей доктора Кларендона в полной мере сбылись. Внедрение принципиально новых методик в установившуюся практику тюремной медицины дало результаты, превзошедшие самые смелые ожидания, и, несмотря на понятную зависть, подчиненные были вынуждены признать чудесные успехи, достигнутые под руководством этого великого ученого. Потом настал момент, когда простое признание заслуг вполне могло перерасти в искреннюю благодарность при счастливом совпадении времени, места и действующих лиц, ибо однажды утром доктор Джонс с мрачным видом явился к своему новому начальнику и сообщил об обнаруженном им случае заболевания, по всем симптомам сходного с той самой черной лихорадкой, возбудителя которой открыл и выделил Кларендон.

Доктор Кларендон не выказал ни малейшего удивления и продолжал писать.

— Знаю, — спокойно промолвил он. — Я заметил этот случай еще вчера. Рад, что вы правильно его идентифицировали. Положите больного в отдельную палату, хотя я не считаю черную лихорадку заразной.

Доктор Джонс, имевший свое мнение о заразности заболевания, обрадовался такой предосторожности и поспешил выполнить приказ. Когда он вернулся, Кларендон встал и направился к двери, объявив о своем намерении заняться пациентом в одиночку. Обманутый в своих надеждах изучить методы и приемы великого медика, младший врач смотрел вслед своему начальнику, стремительно шагавшему к отведенной больному отдельной палате. Впервые со времени, когда первоначальная зависть сменилась восхищением, он испытывал столь сильное недовольство новыми порядками.

Торопливо войдя в палату, Кларендон бросил быстрый взгляд на кровать и отступил на шаг назад, чтобы проверить, как далеко любопытство завело доктора Джонса. Убедившись, что коридор по-прежнему пуст, он закрыл дверь и повернулся к страдальцу. Заключенный — мужчина крайне отвратительной наружности — явно претерпевал жесточайшие муки. Искаженное жуткой гримасой лицо и скрюченная поза свидетельствовали о немом отчаянии человека, пораженного смертельным недугом. Кларендон внимательно осмотрел больного, приподнял крепко зажмуренные веки, проверил пульс и температуру, а под конец растворил в воде таблетку и влил лекарство в рот больному. Вскоре приступ пошел на убыль — сведенные судорогой мышцы расслабились, лицо приобрело нормальное выражение, дыхание стало ровнее. Затем доктор легко помассировал пациенту уши, и тот открыл глаза. Они были живыми и двигались из стороны в сторону, но в них напроочь отсутствовал чистый огонь, который мы издавна почитаем за образ души. При виде принесенного лекар-

ством облегчения Кларендон улыбнулся, чувствуя за собой силу всемогущей науки. Он уже много раз сталкивался с подобными случаями и в два счета вырвал жертву из лап смерти. Еще час — и пациент умер бы, а ведь Джонс наблюдал симптомы на протяжении многих дней, прежде чем поставил диагноз, а когда наконец диагностировал недуг, не знал, что делать.

Однако победа человека над болезнью не бывает абсолютной. Кларендон заверил исполненных опасений сиделок, что черная лихорадка не заразна, и распорядился вымыть больного, обтереть смоченной в спирте губкой и уложить в постель. Но на следующее утро ему доложили, что пациент скончался. Мужчина умер после полуночи — в жесточайших муках и с такими душевными воплями, с такими жуткими гримасами, что сиделки едва не впали в панику. Доктор воспринял известие с обычным спокойствием, сколь бы сильно оно ни задело его профессиональное самолюбие, и приказал при погребении засыпать труп негашеной известью. Потом, философски пожав плечами, он отправился на ежедневный обход тюрьмы.

Через два дня история повторилась. На сей раз заболели сразу трое заключенных, и уже представлялось совершенно очевидным, что начинается эпидемия черной лихорадки. Кларендон, столь твердо державшийся своего мнения о незаразности недуга, явно терял авторитет и оказался в затруднительном положении, когда сиделки решительно отказались ухаживать за больными. Это были не преданные делу добровольцы, готовые пожертвовать собой ради науки и человечества, но те же заключенные, которые работали в госпитале единственно из-за привилегий, не достижимых иным способом, и когда цена стала слишком высокой, они предпочли отказать от всех привилегий.

Однако доктор по-прежнему оставался хозяином положения. Посоветовавшись с начальником тюрьмы и отправив срочное сообщение своему другу губернато-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Август Дерлет. Предисловие. Перевод В. Дорогокупли . . . .</i>	5
<i>ЗЕЛЕНЫЙ ЛУГ. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	8
<i>ПОЛЗУЧИЙ ХАОС. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	16
<i>ПОСЛЕДНИЙ ОПЫТ. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	26
<i>ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ПАЛАЧ. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	93
<i>ПРОКЛЯТИЕ ЙИГА. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	120
<i>КУРГАН. Перевод О. Басинской . . . . .</i>	143
<i>ЛОКОНЫ МЕДУЗЫ. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	226
<i>КАМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	281
<i>УЖАС В МУЗЕЕ. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	302
<i>КРЫЛАТАЯ СМЕРТЬ. Перевод В. Дорогокупли . . . . .</i>	342
<i>ВНЕ ВРЕМЕН. Перевод В. Дорогокупли . . . . .</i>	376
<i>УЖАС НА КЛАДБИЩЕ. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	410
<i>ДНЕВНИК АЛОНЗО ТАЙПЕРА. Перевод М. Куренной . . .</i>	429
<i>УЖАСНЫЙ СЛУЧАЙ В МАРТИНЗ-БИЧ. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	459
<i>ПЕПЕЛ. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	469
<i>ПОЖИРАТЕЛЬ ПРИЗРАКОВ. Перевод М. Куренной . . . .</i>	480
<i>ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ МЕРТВЕЦЫ. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	493
<i>СЛЕПОГЛУХОНЕМОЙ. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	507
<i>ДВЕ ЧЕРНЫЕ БУТЫЛКИ. Перевод М. Куренной . . . . .</i>	524

ЛОВУШКА. <i>Перевод Е. Мусихина</i>	540
ДЕРЕВО НА ХОЛМЕ. <i>Перевод О. Мичковского</i>	573
ЭКСТУМАЦИЯ. <i>Перевод В. Дорогокупля</i>	589
ПЕРЕЖИВШИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. <i>Перевод О. Мичковского</i>	604
НОЧНОЙ ОКЕАН. <i>Перевод Е. Мусихина</i>	618
Примечания. <i>В. Дорогокупля</i>	650